

Комментаріи

У литературы есть странное, съ виду какъ будто взбалмошно-женское свойство: отъ нея мало чего удается добиться тому, кто слишкомъ ей преданъ. Въ лучшемъ случаѣ получается Брюсовъ, пишущій съ удовольствіемъ и важностью, поощряемый общимъ уваженіемъ къ его «культурному дѣлу», переходящій отъ успѣха къ успѣху, — и внезапно проваливающийся въ небытіе... У Блока — въ каждой строчкѣ отвращеніе къ литературѣ, а останется онъ въ ней надолго.

Нѣкоторыя наблюденія опасны въ качествѣ рецепта. Мысль о «патентѣ на благородство», связанномъ съ отвращеніемъ къ литературѣ, можетъ, конечно, вызвать скверную игру въ усталость, или въ ироническое всепониманіе, со вздохами на поздне-римскій ладъ. «Ah, tout est vu, tout est mangé, plus rien à dire». Не только можетъ, но и вызываетъ... Это досадно, какъ всякое притворство, однако ничуть не колеблетъ самой мысли. Настоящій писатель пишетъ съ тоской и даже смятеніемъ, чувствуя, что все ускользаетъ, каждое слово предаетъ, какъ предаетъ солдатъ, старательный, но не понимающій замысла сраженія, — а графоманъ пишетъ «много и хорошо», хлопая себя по ляжкамъ послѣ работы, какъ Боборыкинъ. У Боборыкина нѣтъ видѣнія, и потому нѣтъ искаженія. У него слова только заполняютъ пустоту, зіяющую передъ нимъ до писанія, и онъ радуется разряду энергіи и наглядности результата.

Возраженія. Пушкинъ, глубочайшій «литераторъ», конечно, и кстати тоже покрикизавшій отъ удовольствія послѣ «Бориса Годунова». Но, во-первыхъ, Пушкинъ умеръ въ томъ возрастѣ, когда ощущенія такого порядка еще не успѣваютъ пробыться, — и вопросъ, чѣмъ былъ бы, что далъ бы Пушкинъ, проживи онъ нормально — долгую жизнь (вопросъ, блистательно, хотъ и поверхностно затронутый Константиномъ Леонтьевымъ въ фантастическомъ предположеніи, какой получилась бы у Пушкина «Война и Мирь»), уже содержитъ въ себѣ опроверженіе торопливыхъ и квази-безапелляціонныхъ сужденій по Пушкину

тридцатисемилѣтнему (особенно, если вспомнить пушкинскіе стихи послѣднихъ лѣтъ, смутно похожіе на поздніе бетховенскіе квартеты или живопись Рембрандта, и уже какъ бы подтачивающіе всякую такую творческую радость, которая можетъ быть подточена, оставляющіе лишь неустранимое, рѣдко кому доступное, «холодный ключъ забвенія»). А во-вторыхъ, Пушкинъ былъ одушевленъ своимъ колумбовски-петровскимъ литературнымъ предназначеніемъ, и всякими авгіевъскими конюшнями, которыя ему надо было расчистить. Другое возраженіе — Толстой, и его знаменитое «люблю жену, но романъ свой люблю больше, чѣмъ жену». Тутъ возраженіе — если въ него вдуматься, — оборачивается противъ самихъ возражающихъ. Именно потому толстовское бѣгство изъ литературы, или отъ нея, и полно смысла, что ему предшествовало такое упоеніе ею, — какъ вообще въ Толстомъ все чисто — духовное значительно тѣмъ, черезъ какія стихійныя и животныя толщи оно пробилося, не ослабѣвъ. Толстовское отвращеніе — урокъ тѣмъ, кто отвращается слишкомъ быстро, «на двухъ статейкахъ утомивъ кое-какое дарованіе»: сначала полюбите, господа то, что въ литературѣ достойно любви, а ужъ потомъ бѣгите, разочаровывайтесь! Иначе гримаса на лицѣ капризна и глупа.

Еще — «противъ». Прусть, пробковая комната, умираніе — и страстно-настойчивое дописываніе романа. Надо признаться, это самое вѣское «сонтра», и самое смущающее... Отвѣтить, объяснить какой-нибудь выдумкой было бы нетрудно, какъ вообще выдумать легко все! Но по правдѣ сказать, — отвѣтить нечего. Чувство долга? Стремленіе къ безсмертію, хотя бы и фальсифицированному? Скорѣй все-таки тутъ сказалось то «человѣческое, слишкомъ человѣческое», что было въ Прустѣ, чѣмъ то, что было въ немъ ослабленно-божественнаго.

Столпа рукописей на столѣ, — стихи и проза. Кто изъ этихъ авторовъ талантливъ, кто бездаренъ — не такъ интересно, при очевидной скромности талантовъ, и почти всякому въ наши дни доступномъ умѣннн затушевать бездарность. Но поговорить хотѣлось бы только съ нѣкоторыми. Съ тѣми, у кого въ первой же фразѣ слышится возможность будущаго, можетъ быть черезъ сорокъ лѣтъ, на вершинѣ успѣховъ, недоумѣнія передъ праздною, тщеславіемъ, кичливостью, пустотой, безсовѣстностью почти всего того, что принято называть литературой. Многие писатели связаны безмолвной круговой порукой, о которой никто кромѣ нихъ не догадывается.

Перечитывая Шекспира, — и изумляясь «до мозга костей, до корней волосъ» нѣкоторымъ совершенно невѣроятнымъ страницамъ.

Когда родилась новая литература? Когда Полоній подошелъ къ Гамлету съ вопросомъ «что вы читаете, государь?» — и Гамлетъ отвѣтилъ:

— Слова, слова, слова...

Былъ какъ будто ясный день. Все стояло на своихъ мѣстахъ, и все было отчетливо видно, до мельчайшихъ линій и очертаній. И вдругъ кто-то пріоткрылъ дверь, за которой мелькнулъ другой свѣтъ, другія тѣни, измѣняющія представления о томъ, что знакомо было раньше.. Сравненіе примитивно, конечно, но передаетъ впечатлѣніе довольно вѣрно. Со «словами, словами, словами» что-то куда-то распаивается, — именно «что-то», «куда-то», потому что и до сихъ поръ никому еще не удалось подобрать нужныя, точныя выраженія для этого открытія.

Прошло триста лѣтъ, — и мы все еще живемъ Шекспиромъ, вѣрнѣе, идемъ шагъ за шагомъ въ найденномъ имъ направленіи. Какъ это на первый взглядъ ни парадоксально, Пушкинъ — при всей его обращенности впередъ въ духовной жизни Россіи, — въ области чисто творческой, личной, внѣ какихъ-либо національныхъ и историческихъ соображеній, обращенъ назадъ. Пушкинъ — противъ «Гамлета» (а въ особенности та охранительско-формальная критическая традиція, которая на Пушкина демонстративно предъявляетъ какія-то особыя права). По самому составу чувствъ, по матеріалу — Пушкинъ до «Гамлета», и ведетъ свою волшебную и безпроигрышную творческую игру безъ тѣхъ элементовъ, при которыхъ срывъ иногда неизбеженъ. Срывается сразу Лермонтовъ, будто въ колоду картъ ему подбросили какія-то двойки и тройки, съ которыми большого шлема не назначить.

Замѣчаніе на всякій случай: разсуждать — не значитъ умалять значеніе, или чего-либо «недооцѣнивать», тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ. На своемъ языкѣ, въ кругу своихъ понятій приблизительно то же говорилъ Бѣлинскій, — а онъ, хоть и не всегда поспѣвая за Пушкинымъ, понималъ его все-таки проще и глубже, чѣмъ Достоевскій, понявшій только самого себя. (Недолетъ мысли у Бѣлинскаго, перелетъ у Достоевскаго: но въ первомъ случаѣ Пушкинъ остается передъ нами, а во второмъ онъ позади, — и видны лишь будущія безконтрольныя мистическія фантазіи, вплоть до Андрея Бѣлаго).

Голоми ходины «вокруг да около» какихъ-то необходимыхъ, въ каждой строчкѣ подразумеваемыхъ словъ, — а когда хочешь наконецъ извлечь ихъ въ чистомъ видѣ изъ потока привычныхъ періодовъ, оказывается, что они растворились въ нихъ почти безъ остатка.

Конечно, лирическія ссылки на «наше небывалое время», на «одинокчество», будто бы заставившее «многое взвѣсить и многое пересмотрѣть», на возвращеніе къ «голому человѣку на голой землѣ» — на границѣ пошлости... Если вообще объ этомъ говорить не слѣдовало, то теперь больше говорить объ этомъ рѣшительно невозможно! «*A consommer de suite*», какъ обозначается на оберткѣ скоропортящихся продуктовъ. Опрятность въ выраженіяхъ, и въ томъ, что выражается — добродѣтель обязательная.

Постараемся же говорить «опрятно» — о томъ, что достойно любви въ литературѣ, и что скорѣй вызываетъ усмѣшку. Какъ часто случается, мысль мелькнула въ результатѣ случайнаго впечатлѣнія: огромныя афиши на парижскихъ заборахъ, возвышающія о «Жаннѣ д'Аркъ, ораторіи въ двухъ частяхъ съ прологомъ и эпилогомъ, сочиненія Поля Клоделя». Мгновенно, какъ при вспышкѣ молніи, все представилось абсолютно отчетливо, сверкнули всѣ причины, доводы и слѣдствія, — а потомъ пришлось ощупью брести во тьмѣ, пытаясь возстановить понятное.

Основная аксіома: надо писать правду, — т. е. вѣрно о вѣрномъ. Но тутъ же сомнѣніе: что такое правда? — и почему, самонадѣянно считая закономъ свой личный вкусъ, ты такъ увѣренъ, что въ ораторіи о Жаннѣ д'Аркъ ея быть не можетъ? Безотчетно, всѣмъ существомъ своимъ ощущая возможность обоснованія, упорствую — «Нѣтъ, ея быть не можетъ» —, но и недоумѣваю: почему? Исторія литературы бурно протестуетъ, пронсясь въ сознаніи со всѣми своими чудесами, школами, «измами», вдохновеніями, сказками, причудами, — и вопіетъ, что бессмысленно сводить творчество къ грустному (и ужъ не бессильно ли старческому? — намекнетъ, разумеется, кто-нибудь) перебиранию двухъ-трехъ мотивовъ, очищенныхъ отъ всякой позолоты. Однако, Богъ съ ней, съ исторіей искусства и литературы, неубѣдительною какъ всякая исторія, — и будемъ дѣлать то, что намъ кажется нужнымъ дѣлать, считаясь только съ настоящимъ, а не съ прошлымъ.

Надо взять бутылочку съ сѣрной кислотой — и облить все, что распустилось постыло-роскошнымъ цвѣтомъ вокругъ. Ничего не уцѣлѣетъ? Что же дѣлать — значить обойдемся безъ

букетовъ! Но что-нибудь уцѣлѣть навѣрно, и эти-то цвѣты уже не увянутъ у насъ въ рукахъ. Эти цвѣты не обмануть, — и самый скромный такой лепестокъ дороже всѣхъ бутафорскихъ клумбъ и роццъ, какъ бы ни были онѣ талантливо взращены. Клодель чрезвычайно талантливъ, онъ большой поэтъ, но это ничуть не мѣняетъ дѣла, ничуть! Неинтересно играть въ интересную игру, а сочинять и слушать ораторіи изъ жизни святыхъ — неинтересно, и если это литература, хочется немедленно «возвратить билетъ» для входа въ нее.

«Вы всегда танцуете отъ печки», — сказалъ мнѣ какъ-то съ ласъ-казовской трибуны какой-то язвительный оппонентъ —, «а печка эта Левъ Толстой!» Станцуемъ еще разъ, печка стоитъ того! Представимъ себѣ объявленіе, напримѣръ, о «Сергій Радонежскомъ, ораторіи въ двухъ частяхъ, сочиненія Льва Толстого» — кто же не почувствуетъ, что это совершенно невозможно! И вовсе не потому невозможно, чтобы не соответствовалъ жанръ и методъ писанія, а потому что уровень творческой серьезности не тотъ... А для нея, для этой серьезности, только и есть одно мѣрило — преданность правдѣ, не исключающей вымысла, конечно, но и не допускающей любованія литературными красотами съ сомнительно небеснымъ привкусомъ.

Еще по поводу «печки». Бунинъ и Алдановъ, къ глубокому моему удивленію, постоянно говорятъ, едва только зайдетъ о такихъ вещахъ рѣчь: величайшая книга въ мірѣ — «Война и миръ»! Что это значитъ, величайшая книга въ мірѣ, — и если даже принять такое понятіе, можно ли считать книгой, въ которой отражено величайшее творческое усиліе человѣческаго духа, «Войну и миръ»? Едва ли. Но, конечно, Толстой — писатель единственный, именно въ плоскости «серьезности», «антижюльничества», — хоть иногда, кажется, все на свѣтѣ отдалъ бы, чтобы уберечь отъ его бутылочки съ сѣрной кислотой поэзію міра, всю чуть-чуть лживую прелесть міра, Вагнера, Наполеона, многое другое! Шекспиръ не въ счетъ, съ нимъ у него простое недоразумѣніе.

Литературное собраніе съ христіанскими разговорами.

Личность, личность, личность — во всѣхъ падежахъ. Христіанство будто бы утверждаетъ личность, христіанство освящаетъ личность, — наперекоръ дьявольскому наваженію, стремящемуся къ ея позорной коммунистической гибели.

Со стороны зрѣлише наставительное и грустное. Одинокія души, мало-по-малу растерявшія всѣ живыя, животворящія свя-

зи съ міромъ — и потому, обостренно, надтреснуто-звенящія, — ищутъ «соломинки». Кто же приметъ ихъ, если не христіанство, — и куда имъ больше пойти? Тутъ иронизировать нечего, и «да сіяють образа эти вѣчно», какъ дважды, съ незабываемой интонаціей сказано въ предисловіи къ «Людямъ луннаго свѣта».

Но разумъ отъ своихъ правъ не отказывается. Личность абсолютная, самодовлѣющая, замкнутая въ себѣ — напрасно ищетъ опоры въ христіанствѣ, и напрасно обанкротившійся индивидуализмъ идетъ съ такихъ позицій въ атаку. Ему вообще не надо бы сейчасъ воевать. Ему лучше уйти въ себя, — и посмотрѣть, подсчитать, что осталось отъ бывшихъ «безсмысленныхъ мечтаній», корня столькихъ великихъ духовныхъ драмъ въ прошломъ вѣкѣ.

Самый догматъ грѣхопаденія и искупленія — т. е. самая основа христіанства — подрываетъ индивидуалистическое представленіе о личности. Если я отвѣтственъ за то, что кто-то до меня согрѣшилъ, если возможно освобожденіе мое отъ этого грѣха безъ моего участія въ этомъ дѣлѣ — значитъ я не вполнѣ самъ по себѣ, значить «я во всемъ и все во мнѣ» и единчества нѣтъ, пока я самъ на его безнадежные просторы не вырвался. Даже крикъ о томъ, что «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ» входитъ въ этомъ смыслѣ въ евангельскій текстъ естественно, безъ логическаго противорѣчья, — хотя для кричавшихъ это вѣдь не была кровь божественная, создающая возможность исключенія! Личность, можетъ быть, и утверждена въ христіанствѣ, — но не та, не такая личность, какъ хотѣлось бы ея познать, забывчивымъ защитникамъ, ведущимъ ее къ пропасти.

Докладъ читалъ совсѣмъ молодой человѣкъ, поэтъ, еврей, въ очкахъ, — слабымъ голоскомъ, растерянно и по внутреннему звуку «не безъ музыки». Какой-то ягненокъ на эстрадѣ, смиренный, кудрявый, скромно ссылающійся на авторитеты — на отцовъ церкви.

Что ему Гекуба? До безразличія, до сопротивленія, до трагическаго «помоги моему невѣрью», — что ему религія, особенно такая загадочная, какъ эта? не слишкомъ ли легковѣсно и шатко увлеченіе? не надо было ли бы послать его обратно «въ жизнь», чтобы хорошенько покрутился онъ по ея омутамъ (не практическимъ, конечно, а «идейнымъ») — и набрался бы впе-

чатлѣннѣй? не прельстила ли его — и многихъ ему подобныхъ — именно музыка, поэтическая тональность, а не сущность христіанства, воспринятаго все-таки торопливо въ его обволакивающей, объщающей, утѣшающей гармоніи?

«Да не смущается сердце ваше...» Конечно, послѣ этого почти невозможно быть поэтомъ внѣ этого, если только у человѣка есть слухъ. Но не ищутъ ли сейчасъ многіе откликающіеся просто чего-то вродѣ подушки подъ голову, чтобы забыться, — только забыться?

Георгій Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).